

Всё дальше и дальше неумолимое время отдаляет нас от дня великой Победы, от подвига миллионов солдат, спасших нашу страну и Европу от фашизма. Но вот удивительный феномен: по опросам социологов, 90 процентов молодых людей нашей страны назвали Великую Отечественную и победу в ней — одним из самых значительных событий XX века. А для их дедов и прадедов — это негаснущая память сердца, в которой, по словам Александра Твардовского, — «Всё до подробностей — бесценно».

И мы, приходящие на смену старшим поколениям, ради этой святой солдатской памяти должны донести до молодёжи и горечь потерь, и величие этого народного подвига...

С лета 41-го до весны 45-го

Моисей АЛЬПЕРОВИЧ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук

«Всё до подробностей бесценно»
А. Твардовский

Прошло более шести десятилетий с того памятного июньского утра, когда случилось то, что не только «потрясло мир», но радикально изменило судьбы нескольких поколений наших соотечественников и, без преувеличения, оказало огромное воздействие на будущее всего человечества.

Об этих событиях написано множество книг и статей, изданы дневники и мемуары, опубликованы ценнейшие документы, сняты кинофильмы, поставлены спектакли, им посвящены телевизионные программы и радиопередачи. При наличии столь разнообразных материалов трудно, пожалуй, сказать, что-то принципиально новое. И всё же позволю себе поделиться некоторыми впечатлениями очевидца, ибо любые воспоминания, а тем более касающиеся далёкого прошлого, неизменно окрашены индивидуальным восприятием, и лишь непредвзятое сопоставление различных субъективных суждений и наблюдений приближает нас к постижению полной правды о войне. Правды, которая в немалой степени складывается из бесчисленных частных, но, разумеется, достоверных свидетельств участников описываемых событий. И быть может мой личный опыт представит для кого-то определённый интерес.

* * *

Ошеломляющая весть о нападении фашистской Германии застала меня в солнечный воскресный полдень 22 июня 1941 г. в читальном зале фундаментальной библиотеки по общественным наукам на улице Фрунзе (ныне Знаменке), где я прилежно занимался, сдав накануне последний государственный экзамен. В моём университетском дипломе значилось, что мне «присвоена квалификация научного работника в области исторических наук, преподавателя вуза, втуза и звание учителя средней школы». Впрочем, на педагогическом поприще я подвизался уже с 1939 года, так как, рано обременённый семьёй, в поисках заработка, параллельно учёбе на историческом факультете Московского государственного университета стал преподавать историю в старших классах средней школы — сперва 95-й на Красной Пресне, а затем 521-й в Замоскворечье. Тогда, в условиях дефицита школьных учителей по данному предмету, это допускалось, но, естественно, требовало с моей стороны значительно напряжения. Тем не менее я не собирался по окончании университета прекращать эту работу, хотя кафедра новой истории колониальных и зависимых стран рекомендовала меня в аспирантуру.

Как прошёл тот злополучный день, помню смутно. Но поздним вечером присутствовал на общеуниверситетском митинге в Коммунистической аудитории, расположенной в старом здании МГУ на Моховой. Собрание началось не раньше десяти часов, по окончании литера-

турного концерта популярного в те годы писателя Л.С. Овалова, читавшего, помнится, неопубликованные главы своего нового детектива «Голубой ангел». Входные билеты были распроданы заранее, и отметить или отложить уже объявленное мероприятие организаторы почему-то не решились.

На митинге царил атмосфера, я бы сказал, взволнованного оптимизма. Участники его, охваченные единым юношеским порывом, не сомневались, конечно, в победе Советского Союза. Но вряд ли кто-нибудь из нас представлял себе тогда, какой дорогой ценой она будет куплена. И столь многие из присутствующих не доживут до неё ... Среди них оказалась и значительная часть тех, с кем мы вместе 1 сентября 1936 г. переступили порог истфака МГУ на улице Герцена (теперь Б. Никитской). Достаточно сказать. Что из полутора ста моих однокурсников безвременно погибли на фронтах Отечественной войны почти 30, т.е. около 20 процентов. В их числе были такие талантливые ребята, как Игорь Савков, Александр Осповат, Глеб Метленков и др., уже в студенческие годы успевшие проявить блестящие способности к научной деятельности (Их трагической судьбе посвящена публикация «Голоса из мира, которого уже нет. Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях». М., 1995.)

Домой возвращался в ту ночь по наспех затемнённым улицам — Коминтерна (нынешняя Воздвиженка) и Арбату.

Прежде, чем продолжить свой рассказ, напомним, что по возрасту и уровню духовного развития я, как и большинство моих однокашников, принадлежал к поколению, которое тогда часто называли «ровесниками Октября». То были, как правило, не имевшие житейского, а тем более политического опыта, воспитанные в духе революционного романтизма 20-х — начала 30-х годов, наивные юноши и девушки, со школьной скамьи усвоившие азы политграмоты. Всё, что не вписывалось в эту стройную схему — трудности, негативные явления — воспринимались сквозь призму официальной идеологии. Несмотря на это, определённые аспекты суровой действительности 30-х годов вызвали у некоторых недоумение и заставляли задуматься.

Но после вторжения гитлеровских полчищ колебания, сомнения, вопросы отодвинулись куда-то вглубь. Подобно другим, я отныне существовал в ином измерении, где волновали и занимали отличные от прежних заботы и проблемы. И, безусловно, для всех нас сильнейшим шоком явились паническое отступление и катастрофические поражения Красной Армии в первый период войны. Ведь советская пропаганда годами твердила, что, конечно, «войны мы не хотим, но в бой готовы», и в случае агрессии против СССР воевать будем на чужой территории, побеждать «малой кровью», и никакой враг нам не страшен.

Однако критические мысли возникли несколько позднее. А тогда, через неделю после начала боевых действий, вместе с другими выпускниками и студентами младших курсов, я был мобилизован на строительство оборонительных сооружений в северных районах Брянской области. 1 июля мы выехали из Москвы в юго-западном направлении. Проследовав через Малоярославец и Сухиничи, наш эшелон повернул на запад, миновал Киров, и вскоре выгрузился на станции Снопоть. Там мы сразу приступили к делу: рыли противотанковые рвы, траншеи, строили дзоты вдоль реки Снопоть — левого притока Десны. В связи с активными действиями гитлеровской авиации часто работали ночью. По мере продвижения немцев и приближения линии фронта нас постепенно отводили на восток, а к середине сентября отправили в Москву.

За время моего отсутствия жена, окончившая одновременно со мной медицинский институт, получила назначение в г. Березники на Урале (где был развёрнут военный госпиталь) и уехала туда, а наша шестилетняя дочь оставалась в детском саду, эвакуированном между тем из подмосковного Архангельского в чувашское село Б. Сундырь — примерно в 40 километрах вверх по Волге от Чебоксар. Надо было срочно забрать её оттуда и отвезти к матери. На это при тогдашнем состоянии транспорта ушло около месяца. Возвратившись в середине октября в столицу, я нашёл дома повестку из военкомата с предписанием явиться 16-го числа.

В те дни над городом нависла серьёзная опасность. В ходе ожесточённых сражений на московском направлении немецкие войска в первой половине октября заняли Ржев, Вязьму, Юхнов, Калугу, ворвались в Калинин, угрожали другим центрам на подступах к Москве. 15 октября Государственный комитет обороны принял постановление об эвакуации столицы, причём И.В. Сталину предлагалось покинуть её на следующий же день. В числе соединений, чьими отчаянными усилиями советское командование пыталось сдержать натиск противника, были подразделения народного ополчения, сформированного ещё летом на добровольной основе. Студенты и преподаватели университета попали преимущественно в 8-ю Краснопресненскую стрелковую дивизию, а большинство историков — в её 975-й артиллерийский полк. Среди них находились мои товарищи, по тем или иным причинам не выехавшие в начале июля на оборонительные работы. Теперь, в результате прорыва нашей обороны гитлеровцами, они в составе крупной армейской группировки оказались в окружении западнее Вязьмы. Из «котла» вырывались в основном мелкими группами либо поодиночке, причём многие погибли или попали в плен. Но об этих драматических событиях я узнал гораздо позже.

Тогда же, в крайне подавленном настроении отправился в Киевский райвоенкомат, помещавшийся поблизости от Арбатской площади, в Крестовоздвиженском переулке. Оформление призывников продолжалось весь день. А вскоре после наступления темноты раздался сигнал воздушной тревоги и нас строем повели в ближайшее бомбоубежище — станцию метро «Арбатская». Следующим утром пешая колонна необмундированных новобранцев, пройдя через центр города, вышла на шоссе Энтузиастов и влилась в нескончаемый поток людей, конных повозок, ручных тележек, велосипедов, детских колясок, устремившийся по Горьковскому шоссе на восток. Двигались беспорядочной толпой, делая в сутки по 25–30 км, а на ночлег располагались в ближних к шоссе деревнях. Примерно через неделю добрались до Владимира, откуда повернули на юго-восток и ещё несколько дней спустя пришли в Муром. Там нам дали команду следовать дальше самостоятельно по железной дороге до Йошкар-Олы. В начале ноября нас определили в 139 запасной полк, располагавшийся в лесу недалеко от столицы Марийской АССР, а незадолго до Нового года меня в составе маршевой роты направили в 698 полк 146-й стрелковой дивизии, формировавшейся в районе Казани.

Поскольку полк в то время ещё не был полностью укомплектован, ряд должностей командиров и политработников оставался не замещённым. Поэтому поначалу комиссар полка поручил мне временно исполнять обязанности комсорга (согласно штатному расписанию, отсека полкового бюро ВЛКСМ). Когда же прибыл офицер, назначенный на эту должность, комиссар предложил зачислить меня в любое подразделение по моему выбору. Не знаю почему я попросился в артиллерийскую батарею 76 мм пушек, куда и был откомандирован. Входя в орудейный расчёт в качестве наводчика, я являлся вместе с тем заместителем комиссара батареи. Хотя это не была штатная единица, мне, несмотря на мой более чем скромный воинский статус «рядового необученного», присвоили звание заместителя политрука, соответствующее по рангу строевому старшине.

В марте 1942 г. дивизию срочно перебросили под Москву, где развёртывалось гигантское зимнее контрнаступление войск Западного фронта. Вскоре мы приняли, как говорится, «боевое крещение» в упорных сражениях на вяземском направлении, между Юхновом и Мосальском. Нам поставили задачу перерезать Варшавское шоссе, по которому гитлеровцы подвозили подкрепления, военную технику, боеприпасы, продовольствие. Для этого надо было овладеть Зайцевой горой (свыше 200 км от Москвы), откуда немцы непрерывно обстреливали нашу пехоту, танки и огневые позиции артиллерии. На протяжении короткого времени в безуспешных попытках захватить неприступную гору были разгромлены одна за другой несколько советских дивизий. Наша оказалась четвёртой или пятой (и последней) из них. Ведь боевого опыта и умения воевать мы в ту пору ещё не успели приобрести, а потому несли большие потери от постоянных бомбёжек вражеской авиации, с немецкой методичностью «навешавшей» нас по утрам, от жестокого орудейного и миномётного огня, не дававшего поднять голову. После каждого воздушного или артиллерийского налёта в роще, где

мы сосредоточились (её прозвали «Рощей смерти»), оказывалось множество убитых и не смолкали стоны раненых. К тому же, из-за весенней распутицы не удавалось вовремя подвозить снаряды и продукты питания. Тяжеленные пушки приходилось тащить на себе, так как лошадей не хватало. Ещё многое можно было бы рассказать об этих кровопролитных боях, но ограничусь тем, что приведу слова их участника поэта Александра Лесина, посвятившего им целый цикл стихов:

Перевалить через Зайцеву гору!
Варшавское перерезать шоссе! —
Но кроме приказа, был ещё голод,
И был — промозглый болотный холод
В наступления полосе.
Встать бы
И — смять эту гору в лепёшку!
Да только попробуй подняться,
Возьми,
Когда на тебя —
 обвалом бомбёжки...
Бомбёжки,
Бомбёжки с восьми до восьми.

В один из первых дней апреля 1942 г. меня вызвали в штаб полка, а оттуда направили в разведотдел дивизии. Там я узнал, что накануне был тяжело ранен помощник начальника дивизионной разведки (по армейской номенклатуре — ПНО-2) лейтенант Аркуша, в соответствии с тогдашней структурой являвшийся одновременно и переводчиком. Чтобы заменить его, требовался офицер со знанием немецкого языка. В итоге меня перевели в штаб дивизии, перешедшей тем временем к обороне, поскольку командование решило приостановить дальнейшее наступление на данном участке фронта. Однако положение моё было довольно двусмысленным, так как я занимал теперь должность строевого командира, не имея ни офицерского звания, ни военной подготовки, ни достаточного боевого опыта.

В середине лета знакомый кадровик сообщил мне, что получен приказ наркома обороны об откомандировании из Действующей армии всех лиц с высшим образованием для отправки в военные училища. В течение ближайших недель один за другим отбыли несколько человек, а обо мне никто как будто и не вспоминал. Но однажды меня вызвал начальник штаба дивизии полковник Дулов. В его землянке находился также комиссар штаба батальонный комиссар Швеев. Полковник сказал, что на основании приказа наркома меня должны послать на учёбу, но командование предпочло бы, чтобы я, если не возражаю, оставался в дивизии. Получив моё согласие, он пообещал аттестовать меня на месте, и в дальнейшем мне было присвоено звание младшего лейтенанта.

Однако ещё до того я был легко ранен в правое плечо осколком мины и отправлен в медсанбат. Когда вернулся в часть, то оказалось, что за время моего отсутствия из офицерского резерва прислали нового помощника начальника дивизионной разведки лейтенанта Бочарова, а меня назначили на введённую недавно штатную должность военного переводчика.

В условиях затянувшейся оборонительной стадии летне-осенней кампании 1942 г. неизбежные на войне тяготы и лишения переносились немного легче, нежели во время весенних боёв под Зайцевой горой. Не говоря уже о том, что летом и ранней осенью сама природа более благосклонна к человеку. Постепенно сложился в известной степени налаженный повседневный быт. Хоть и не всегда, но подчас удавалось выспаться, притом не на голой земле, а на нарах в землянке. Питание стало более или менее регулярным и даже вполне сносным, в значительной мере благодаря заботам наших поваров (и особенно поварих): вместо осточертевших «супа-пюре горохового» и прочих концентратов они иногда потчевали нас чем-нибудь более съедобным, например, свежими щами из крапивы, которую самоотверженно собирали в ближнем лесу.

Впрочем, и в этой относительно стабильной обстановке разведывательная служба

столкнулась с серьёзными затруднениями. Чтобы раздобыть крайне необходимые сведения о противнике, позарез требовались пленные, в условиях длительной обороны ценившиеся на вес золота. Для захвата «языка» нужны были не только смелость и решительность, но также немалый опыт, ловкость и находчивость. Однако разведгруппы, периодически засылавшиеся в расположение гитлеровцев, со своей задачей зачастую не справлялись, причём несли ощутимые потери. В конце концов выведенный из терпения командир дивизии приказал моему непосредственному начальнику, кадровому старшему лейтенанту М. лично руководить очередным поиском, и без пленного не возвращаться. Последствия оказались фатальными. При выполнении генеральского приказа М., находясь в нейтральной зоне, отделявшей наш передний край обороны от линии вражеских траншей, проявил малодушие и совершил самострел.

Поскольку дело происходило вскоре после издания печально знаменитого приказа, народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!»), предусматривавшего чрезвычайно жёсткие карательные меры с целью укрепления воинской дисциплины («Паникёры и трусы долины истребляться на месте»), молодой офицер, по приговору военного трибунала, был расстрелян перед строем. Я понимаю, конечно, что его тяжкий проступок заслуживал сурового наказания. И тем не менее не могу забыть горестную строку (написанную, правда, по иному поводу) неповторимого автора бессмертной поэмы «Василий Теркин»: «Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...» Однако «на войне, как на войне». Случалось, увы, и такое...

Восстанавливая в памяти события второго военного лета, вспоминаю также, как на участке обороны нашей дивизии небольшими группками выходили из окружения бойцы и офицеры кавалерийского корпуса генерала Белова, предпринявшего прошедшей зимой рейд по немецким тылам. Опухшие от голода, оборванные, грязные, обовшивевшие, в большинстве своём без оружия, они тотчас же попадали в стальные «объятия» контрразведчиков, которые часами с пристрастием допытывались, когда и где те были завербованы гитлеровцами. В то время я не сомневался, что кого-то из них действительно забросили к нам немцы, но эти люди выглядели такими измученными, перенёсшими столько страданий и лишений, что я интуитивно не мог поверить, будто все они — предатели и вражеские агенты.

Зима 1942–1943 гг. выдалась не столь суровая, как предыдущая. Но, пожалуй, большим злом, чем морозы, явилось нашествие мышей. Они сновали повсюду: в траншеях, землянках, ползали по хлебу и другим продуктам питания, заражая людей опасной «мышинной болезнью» — туляремией, тяжёлая (бубонная) форма которой нередко имела смертельный исход. В ряде воинских частей и соединений вышло из строя более половины личного состава, причём многих больных пришлось эвакуировать в тыловые госпитали. Мне повезло: я переболел этой хворью в лёгкой форме, по внешним симптомам чем-то напоминавшей малярию (резкие перепады температуры, головная боль, общая слабость, апатия, отсутствие аппетита и т.п.), и отделался трёхнедельным пребыванием в дивизионном медсанбате.

Между тем, в борьбе с грызунами никакие хитроумные средства не помогали. Но в один прекрасный день мыши — словно по команде — внезапно исчезли. Впоследствии знающие люди объяснили мне, что эти мерзкие твари, как и крысы, подвержены сезонным миграциям. Сильно развитый стайный инстинкт побуждает их иногда в силу тех или других обстоятельств вдруг покидать прежнее место обитания и в течение короткого времени передвигаться на большие расстояния.

После освобождения Спас-Деменска, Брянска, Смоленска, Рославля 146 стрелковая дивизия, включённая во вновь сформированный 79-й стрелковый корпус, осенью 1943 г. была переброшена на 2-й Прибалтийский фронт, где вошла в состав 3-й ударной армии. В октябре того же года меня перевели в разведотдел штаба корпуса, начальником которого был симпатичнейший осетин майор Кокаев, окончивший перед войной Московский институт народного хозяйства им. Плеханова. Войска 79-го корпуса под командованием генерал-майора С.Н. Переверткина летом 1944 г. вели наступательные бои на идрицком направлении (юго-запад Псковской области), овладели Резекне, Даугавпилсом и другими городами Восточной

Латвии, штурмовали сооруженную немцами «линию Мадоны»*. Осенью корпус участвовал во взятии Риги, а затем в блокаде курляндской группировки противника.

* Мадона — небольшой городок в Восточной Латвии

В декабре 1944 г. 3-я ударная армия, переданная 1-му Белорусскому фронту, которым командовал маршал Г.К. Жуков, перебазировалась по железной дороге в Польшу. Она сыграла важную роль в известной Висло-Одерской операции и приняла активное участие в освобождении Варшавы и польской территории на северо-западе страны. В феврале 1945 г. мне пришлось покинуть ставший родным корпус в связи с назначением начальником следственной части разведотдела штаба армии. Не успел я освоиться с новыми обязанностями, как началась Восточно-Померанская операция, завершившаяся в первых числах апреля разгромом немецко-фашистских сил, входивших в группу армий «Висла».

К тому времени Ставкой был уже разработан подробный план Берлинской операции, согласно которому наша армия включалась в мощную группировку, предназначенную для нанесения главного удара по германской столице с Кюстринского плацдарма на западном берегу Одера. Перед нами ставилась крайне трудная задача, ибо гитлеровцы, готовясь к упорному сопротивлению, максимально укрепили свой оборонительный рубеж по Одру и Нейсе, сосредоточили там значительное количество войск и боевой техники. Всё это неоднократно описано, поэтому приведу только краткое свидетельство очевидца. После двухдневной разведки боем я записал вечером 15 апреля в дневнике: «Оборона [противника] на нашем участке исключительно мощная и глубоко эшелонирована. Имеется несколько линий траншей, проволочные заграждения, минные поля, промежуточные рубежи в глубине. Все дома, в особенности подвалы, подготовлены к обороне».

Об историческом Берлинском сражении, начавшемся на рассвете 16 апреля 1945 г., сказано и написано очень много, освещены и проанализированы самые различные его аспекты и детали. А потому остановлюсь вкратце лишь на отдельных событиях этой заключительной фазы Отечественной войны, в эпицентре которых волею обстоятельств мне суждено было очутиться в ту незабываемую весну.

Завершающей стадией Берлинского сражения явились, как известно, бои за правительственный квартал, где находились рейхстаг, имперская канцелярия, министерства пропаганды и иностранных дел, скрывались Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Мартин Борман и прочие нацистские главы. Этот район входил в полосу нашей армии. После овладения рейхстагом (30 апреля) боевые действия переместились в район имперской канцелярии, куда подошли и войска соседних с нами 5-й ударной и 8-й гвардейской армий.

Напомню, что на рассвете 1 мая на командный пункт 8-й гв. армии был доставлен начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал Кребс, передавший командующему генерал-полковнику В.И. Чуйкову письмо Геббельса и Бормана на имя И.В. Сталина, где сообщалось о смерти Гитлера и их желании вступить в переговоры. Оно было доложено командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Г.К. Жукову, а тот немедленно позвонил по ВЧ (высокочастотная телефонная связь) в Москву. Известно, как отреагировал Сталин: «Доигрался, подлец». Но никакой уверенности в достоверности сведений о смерти Фюрера в тот момент, разумеется, не было: это вполне могло быть дезинформацией со стороны фашистской верхушки. И Сталин, при его болезненной подозрительности, хранил эту новость в глубокой тайне. Кроме него, её знали тогда лишь Жуков и Чуйков. Поэтому, когда в ночь с 1 на 2 мая немецкая колонна с танками попыталась прорваться из района имперской канцелярии в северном направлении, были все основания предположить, что предпринята попытка бегства Гитлера и его приближённых из Берлина (между прочим, как выяснилось в дальнейшем, в этой группе находились Борман, адъютант фюрера от войск СС штурмбанфюрер Гюнше, его личный пилот генерал-лейтенант Бауер, секретарши Гитлера и др.).

И вот при разгроме этой колонны рано утром 2 мая в числе других был взят в плен молодой человек в простой солдатской шинели без знаков различия, заявивший, что распо-

лагает крайне важной информацией, но может передать её лишь высшему советскому командованию. Когда автоматчики-конвоиры привели пленного ко мне, то довольно быстро удалось установить, что это вице-адмирал Ханс-Эрих Фосс — личный представитель главнокомандующего германским военно-морским флотом гросс-адмирала Дёница при ставке Гитлера. У него было изъято послание Геббельса и Бормана Дёницу с извещением о смерти фюрера (прямо о самоубийстве не говорилось) и назначении гросс-адмирала его преемником в качестве главы государства.

Я сумел убедить Фосса, что командующий 3 ударной армией генерал-полковник В.И. Кузнецов — военачальник весьма высокого ранга, и он дал показания о своей последней встрече с Гитлером, за час до самоубийства, и порученной ему миссии к Дёницу, а также заявил, будто лично видел труп фюрера. Геббельс же, по словам вице-адмирала, тоже «не хотел покидать горящий корабль» и принял решение оставаться в имперской канцелярии «до самого конца». Так сказано в тексте, помещённом в томе 4–5 документальной серии, издаваемой Институтом военной истории и Центральным архивом Министерства обороны РФ, где под номером 192 впервые опубликована заверенная копия заявления Фосса*. Но это, как говорится, «не вся правда». В оригинале документа было кое-что ещё. В своё время я, невзирая на секретность, сохранил его 2-й машинописный экземпляр. Правда, в начале 1953 года, после сообщения о «деле врачей», с перепугу уничтожил эти странички, но предварительно переписал от руки наиболее важные фрагменты. В частности, заключительная часть показаний Фосса полностью звучала так:

* Великая Отечественная. Т. 4–5 (Русский архив. Т.15). М., 1995, № 192

«Затем Гитлер заявил, что до конца останется на своём посту, и простился со мной. Хотя он и не сказал прямо о своём намерении покончить с собой, это вытекало как из его предыдущих высказываний, так и из этого разговора. Примерно через час после нашей беседы, т.е. около 15.30 30 апреля Гитлер покончил с собой. Об этом я знаю со слов его эсэсовского адъютанта, по чьему утверждению фюрер и его жена (Гитлер за три дня до смерти женился на своей любовнице, с которой жил уже в течение длительного времени) выпили синильную кислоту и тут же застрелились. Я лично видел, как труп Гитлера, завёрнутый, в ковёр, выносили из его кабинета. Затем, по словам адъютанта, останки фюрера и его жены были сожжены, а пепел зарыт в саду имперской канцелярии».

Таким образом, если предшествующую акцию Геббельса и Бормана, осуществлённую через генерала Кребса, ещё можно было принять за провокацию, то их послание Дёницу и заявление Фосса явно подтверждали достоверность полученной информации о судьбе высших руководителей третьего рейха.

Утром 2 мая нам — группе офицеров разведотдела штаба армии — было приказано приступить к розыску нацистских главарей — живых или мёртвых — либо их следов в имперской канцелярии. Вскоре туда с той же целью прибыли офицеры разведки и контрразведки 79 корпуса, в полосу которого непосредственно входила канцелярия. В процессе поисков* недалеко от запасного выхода из фюрер-бункера обнаружили обгорелые трупы мужчины и женщины — предположительно супружеской четы Геббельс. Их перевезли в тюрьму Плетцензее, где размещался отдел контрразведки 79 корпуса, и положили на сорванную с петель дверь. Утром 3 мая в одном из подземных убежищ имперской канцелярии были найдены тела шести детей (мальчика и пяти девочек) в возрасте примерно от 3 до 14 лет с признаками отравления, а также генерала Кребса со следами пулевого ранения на правом виске.

* Они подробно описаны в книге: Безыменский Л.А. Конец одной легенды. М., 1972, с. 85–97.

В тот же день было проведено опознание трупов, для чего привлечены вице-адмирал Фосс, техник гаража имперской канцелярии Карл Шнайдер и повар Вильгельм Ланге, хорошо знавшие Геббельса и его семью. Сперва мне пришлось тщательно и придирчиво допросить их, что оказалось делом весьма сложным, учитывая крайнюю подавленность, нервозность и тяжёлое психическое состояние Фосса. Затем состоялась формальная процедура опо-

знания в присутствии ряда генералов и офицеров во главе с начальником управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом А.А. Вадисом. Результаты опознания были изложены в официальном акте. При составлении его я, естественно, старался не упустить ничего заслуживающего внимания. Но в процессе редактирования текста вышестоящие начальники вычеркнули некоторые детали, показавшиеся им несущественными. В частности, выпало важное для идентификации свидетельство Фосса о том, что обнаруженный возле тела Магды Геббельс портсигар с выгравированной монограммой «Адольф Гитлер — 29.X.34» подарен ей фюрером в день рождения, дата которого обозначена на внутренней стороне портсигарной крышки. Акт, ставший отправной точкой в длительном, сложном и трудоёмком процессе выяснения судьбы главных нацистских преступников, подписали 13 человек — в основном генералы и офицеры контрразведки. Войсковая разведывательная служба была представлена лишь начальником разведотдела штаба 3-й ударной армии подполковником В.К. Гвоздом и мною.

АКТ ОПОЗНАНИЯ

1945 года, мая месяца, 3 дня Гор. Берлин

Мы, нижеподписавшиеся начальник Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант **Вадис**, зам. нач. Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-майор **Мельников**, начальник отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии полковник **Мирошниченко**, начальник отдела Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта подполковник **Барсуков**, начальник отдела контрразведки «Смерш» 79 стрелкового корпуса подполковник **Клименко**, начальник политотдела 79 стрелкового корпуса полковник **Крылов**, начальник разведотдела [штаба] 3-й ударной армии подполковник **Гвозд**, начальник отдела [контрразведки] «Смерш» 207 стрелковой дивизии майор **Аксенов**, зам. начальника отдела контрразведки «Смерш» 207 стрелковой дивизии майор **Хазин**, начальник отделения отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии майор **Быстров**, старший оперуполномоченный Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта капитан **Хелимский**, корпусной врач 79 стрелкового корпуса подполковник медслужбы **Грачев**, переводчик немецкого языка — начальник следственной части разведотдела [штаба] 3-й ударной армии капитан **Альперович**, составили настоящий акт о нижеследующем:

2-го мая 1945 года в центре города Берлин, в здании бомбоубежища германской рейхсканцелярии, в нескольких метрах от входных дверей подполковником **Клименко**, майорами **Быстрым** и **Хазиним** в присутствии жителей города Берлин, немцев **Ланге** Вильгельма — повара рейхсканцелярии, и **Шнайдера** Карла — техника гаража рейхсканцелярии, в 17.00 часов были обнаружены обгоревшие трупы мужчины и женщины, причём труп мужчины низкого роста, ступень правой ноги в полусогнутом состоянии (колченогий) с обгоревшим металлическим протезом, остатки обгоревшего мундира формы партии НСДАП, золотой партийный значок, обгоревший; у обгоревшего трупа женщины обнаружен золотой обгоревший портсигар, на трупе золотой партийный значок члена партии НСДАП и обгоревшая золотая брошь.

У изголовья обоих трупов лежали два пистолета системы «Вальтер» № 1 (обгоревшие).

3-го мая с.г. командир взвода отдела контрразведки «Смерш» 207 стрелковой дивизии старший лейтенант **Ильин** в убежище здания рейхсканцелярии, в отдельной комнате на спальнях кроватях, обнаружил 6 трупов детей в возрасте от 3-х до 14 лет, в том числе 5 девочек и 1 мальчик, с признаками отравления, одеты в лёгкие ночные платья.

В связи с тем, что в указанных трупах были признаны доктор **Геббельс**, его жена и дети, все трупы для осмотра и опознания лицами, лично близко знающими их, были перевезены в помещение отдела контрразведки «Смерш» 79 стрелкового корпуса 1-го Белорусского фронта.

Для опознания трупов на месте были привлечены военнопленные — личный представитель гросс-адмирала **Деница** при ставке Гитлера, вице-адмирал **Фосс** Ганс-Эрих, 1897 года рождения, техник гаража имперской канцелярии **Шнайдер** Карл-Фридрих-Вильгельм и повар имперской канцелярии **Ланге** Вильгельм, хорошо знающие лично Геббельса, его жену, детей.

В результате опроса и предъявления трупов, вице-адмирал **Фосс**, **Ланге** и **Шнайдер** в осматриваемых трупах утвердительно признали Геббельса, его жену и детей, при этом вице-адмирал **Фосс** на поставленный ему вопрос, по каким признакам он утверждает, что это именно **Геббельс**, его жена и дети, последний дал объяснение, что в обгоревшем трупе мужчины он признает бывшего рейхс-министра пропаганды доктора **Геббельса** по следующим признакам: обгоревший труп имеет явное сходство с **Геббельсом**, что подтверждается формой головы, линиями рта, протезом, который носил **Геббельс** на правой ноге, и наличием на трупе золотого нагрудного знака партии НСДАП, остатками обгоревшей партийной формы. Одновременно с этим Фосс пояснил, что последние дни (в течение 3-х недель) до 1 мая с.г. он непрерывно находился при ставке Гитлера и лично встречался с Гитлером, Геббельсом и другими приближенными к ним лицами. 30-го апреля с.г. **Фоссу** стало известно о само-

убийстве **Гитлера** и предсмертном назначении рейхсканцлером доктора **Геббельса**.

1-го мая с.г. **Фосс** последний раз виделся с **Геббельсом** в 20.30 часов в бомбоубежище, где размещалась ставка Гитлера, причём в беседе с Фоссом Геббельс заявил, что он последует примеру Гитлера, т.е. покончит жизнь самоубийством.

Признавая в обгоревшем трупе жену **Геббельса**, **Фосс** в подтверждение своего заключения пояснил, что труп женщины по росту (вышесредний), наличием на трупе обгоревшего золотого партийного значка НСДАП (единственный знак у немецкой женщины, врученный ей Гитлером за 3 дня до его самоубийства) — является трупом жены **Геббельса**.

Кроме того, при осмотре обнаруженного у трупа женщины портсигара на внутренней стороне одной из крышек обнаружена монограмма на немецком языке: «Адольф Гитлер, 29. X. 34 г.». Им, как заявил **Фосс**, пользовалась в течение последних 3-х недель жена Геббельса.

При осмотре трупов детей во всех из них, без исключения, **Фосс** опознал детей **Геббельса**, так как всех их неоднократно видел, при этом одну девочку — дочь **Геббельса** в возрасте около 3-х лет — назвал по имени Гайди, она до этого неоднократно бывала в квартире **Фосса**.

Привлеченные для опознания трупов указанные выше повар **Ланге** и техник гаража **Шнайдер** категорически утвердили, что в обгоревшем трупе мужчины они оба признают доктора **Геббельса**, подтвердив своё утверждение очертанием лица, ростом трупа, формой головы и наличием металлического протеза на правой ноге.

Дополнительно повар **Ланге**, в присутствии означенных выше в настоящем акте военнослужащих, также признал в трупах детей — детей **Геббельса**, назвав при этом имена двух из них, а именно: девочку по имени Гильда и мальчика по имени Гельмут, которых он лично знал продолжительное время.

Наружным осмотром детских трупов корпусной врач подполковник медицинской службы **Грачев** определил, что смерть детей последовала от ввода в организм карбоксигемоглобина, образующего яды.

На основании этих данных мы, нижеподписавшиеся, заключаем, что осмотренные обгоревшие трупы — мужчины, женщины, а также шести детей — являются трупами германского рейхсминистра пропаганды доктора Иозе фа **Геббельса**, его жены и детей.

В чем и составлен настоящий акт.

Объяснения **Фосса**, **Ланге** и **Шнайдера**, привлеченных для опознания трупов, давались ими на немецком языке через переводчика немецкого языка — начальника следственной части разведотдела штаба 3-й ударной армии капитана **Альперовича**.

Начальник Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант **А. Вадис**

Зам. нач-ка Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-майор **Мельников**

Начальник отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии полковник **Мирошниченко**

Начальник отдела Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта подполковник **Барсуков**

Начальник отдела контрразведки «Смерш» 79 стрелкового корпуса подполковник **Клименко**

Начальник отдела контрразведки «Смерш» 207-стрелковой дивизии майор **Аксенов**
Зам. нач-ка отдела

контрразведки «Смерш» 207 стрелковой дивизии майор **Хазин**

Начальник политотдела 79 стрелкового корпуса полковник **Крылов**

Начальник разведотдела штаба 3-й ударной армии подполковник **Гвозд**

Начальник отделения отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии майор **Быстров**

Ст. оперуполномоченный Упр. контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта капитан **Хелимский**

Корпусной врач 79 стрелкового корпуса подполковник медслужбы **Грачев**

Командир взвода ОКР «Смерш» 207 СД старший лейтенант **Ильин**

Переводчик немецкого языка — начальник следственной части разведотдела штаба 3-й ударной армии капитан **Альперович**

Содержание настоящего акта через переводчика Альперовича с русского языка переведено (устно) на немецкий язык, нами понято, подтверждается, в чем и расписываемся.

Опознавшие предъявленные трупы:

военнопленный немецкой армии вице-адмирал **Фосс**

повар рейхсканцелярии **Ланге** техник гаража рейхсканцелярии **Шнайдер**

Однако найти следы Гитлера пока не удавалось. Вечером того же 3 мая вместе с начальником отдела контрразведки 79 корпуса подполковником И.И. Клименко, захватив с собой Фосса, мы возобновили поиски. Мой тогдашний спутник Клименко впоследствии вспоминал: «Мы приехали на «виллисе», в котором находились я, Фосс, один офицер из разведотдела армии... Проехали по городу, а затем к имперской канцелярии. Спустились в бункер. Было темно. Мы светили фонариками. Фосс вёл себя как-то странно, нервничал».

Известный историк и публицист Л.А. Безыменский, тщательно изучавший ход и перипетии событий, которые в те далекие дни происходили в Берлине, сопоставляя свидетельства очевидцев, много лет спустя констатировал: «Рассказ Клименко подтвердил упоминаемый им офицер из разведотдела штаба 3-й ударной армии; это был начальник следственной части капитан М.С. Альперович — ныне научный работник, специалист по истории Латинской Америки».

Действительно, безрезультатно обыскав многоэтажное подземное сооружение с неисправным лифтом (на что понадобилось немало времени), мы вышли наружу, в сад. Приблизились к сухому бассейну, где лежало много трупов. И тут Фосс, бросившись к одному из них, закричал: «Да вот же он!». Но, пристальнее взглядевшись в лицо похожего на фюрера человека с усиками, в чёрном кителе и штопаных носках, сам усомнился. И всё же, когда на следующий день в воронке близ выхода из бункера были обнаружены сильно обгоревшие мужской и женский трупы, на них, зная о вчерашнем эпизоде, не обратили особого внимания и опять закопали. О новой находке вспомнили лишь после того, как к концу дня 4 мая выяснилось, что найденный накануне труп — вовсе не Гитлер. Этот факт уверенно засвидетельствовал видный советский дипломат А.А. Смирнов, на протяжении ряда лет служивший в довоенной Германии и неоднократно видевший фюрера вблизи.

Рано утром 5 мая контрразведчики 79 корпуса потихоньку (так как имперская канцелярия уже перешла тем временем в полосу 5-й ударной армии) снова извлекли оба трупа и доставили их в отдел контрразведки СМЕРШ 3-й ударной. Всё дальнейшее (выходящее за пределы моих личных воспоминаний и наблюдений, поскольку находилось исключительно в ведении органов государственной безопасности и было полностью засекречено) описала впоследствии тогдашняя переводчица отдела контрразведки 3 ударной армии, ныне известная писательница Елена Ржевская*. Напомню лишь, что обнаруженные 4 мая трупы оказались останками Гитлера и Евы Браун.

* Ржевская Е. Берлинские страницы // Знамя, 1965, №5; она же. Берлин, май 1945. М., 1988.

На этом можно бы, пожалуй, поставить точку, если бы не одно поразительное обстоятельство, о котором не могу умолчать, коль скоро коснулся финала Берлинского сражения: неопровержимые доказательства смерти Гитлера и его сообщников, документально зафиксированные в те майские дни, когда были разысканы, опознаны и подвергнуты судебно-медицинской экспертизе их трупы, на протяжении двух десятилетий оставались по существу государственной тайной, известной лишь немногим очевидцам и крайне узкому кругу высокопоставленных лиц. Столь узкому, что в него «не входил даже командующий войсками 1-го Белорусского фронта, штурмовавшими Берлин, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, узнавший о находке и идентификации останков фюрера только два десятилетия спустя*. Хранить эти сведения в секрете и не обнародовать их решено было, полагают составители и авторы предисловия к новейшей капитальной публикации, потому, что в условиях «политической игры между союзниками по антигитлеровской коалиции» вокруг обстоятельств гибели фюрера Сталин предпочёл занять выжидательную позицию. На фоне многочисленных противоречивых версий, слухов и домыслов о судьбе Гитлера и его приспешников, глава Советского правительства, несомненно зная результаты их опознания и медицинских исследований, тем не менее весной и летом 1945 г. не раз заявлял, будто они бежали и где-то скрываются. Доложенную же ему важную информацию — перепроверенную на месте и целиком

подтверждённую специально присланным из Москвы генералом — счёл нужным не предавать огласке.**

* Ржевская Е. В тот день, поздней осенью // Знамя, 1986, №12, с. 163–165, 167–169.

** Агония и смерть Адольфа Гитлера. М., 2000, с. 16–17.

Приведённые выше предположения, возможно, не лишены оснований, но, думается, был допущен серьёзный просчёт, ибо отсутствие достоверных сообщений по данному поводу скорее породило всевозможные фантастические измышления и легенды о мнимом «спасении» нацистского главаря (якобы сумевшего чудом ускользнуть из капитулировавшего Берлина) и его дальнейшей участи. А ведь всякая неясность насчёт конца Гитлера, справедливо замечает очевидица событий Е. Ржевская могла «лишь способствовать его намерению — бесследно исчезнуть, превратиться в миф и тем будоражить приверженцев фюрера, активизировать их».

Только через 20 лет после окончания войны, в мае 1965 г. Е. Ржевская на страницах журнала «Знамя» впервые рассказала о том, как были найдены и идентифицированы останки Гитлера. А в 1968 г. Л.А. Безыменский издал за рубежом (в ФРГ, Англии, США, Франции, Италии) соответственно в немецком, английском, французском, итальянском переводах акты опознания и вскрытия тел Геббельса, его жены и детей, а также судебно-медицинского исследования трупов Гитлера, Евы Браун и генерала Кребса. Затем увидели свет, хотя и со значительными купюрами, оригинальные тексты наиболее существенных из этих документов.*

* Безыменский Л. Выстрел, которого не было // Москва, 1970, №1,2; он же. Конец одной легенды.

Но прошли ещё целых 30 лет, прежде чем были полностью опубликованы (15-тысячным тиражом) подлинники упомянутых и многих других рассекреченных документов из фондов Центрального архива ФСБ России. Это издание (где мне, не скрою, приятно было увидеть и своё имя), резонно подчеркивают его составители, «закрывает вопрос одной из великих тайн XX века»*. По компетентному мнению видного исследователя, «ликвидирована главная, чудовищно несправедливая недоговоренность: после долгих лет из авторитетного источника последовало объяснение того, чем окончилась Великая война»**. И то, что десятилетиями было окутано строжайшей тайной, стало наконец достоянием гласности и истории...

* Агония и смерть Адольфа Гитлера, с. 18.

** Безыменский Л.А. Новые документы о последних днях и смерти Гитлера // Новая и новейшая история, 2001, №3, с.193.

Но всё это произошло потом, через полвека с лишним после описываемых событий. А тогда Победу мы праздновали в Бухе — северо-восточном пригороде Берлина. Хорошо помню слова приказа, изданного по штабу армии 8 мая 1945 г.: «В связи с окончанием военных действий в Европе с сего дня светомаскировку отменить». Назавтра было объявлено о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Свершилось, наконец, то, чего с такой надеждой мы ждали все эти долгие годы, во что верили в пору тягчайших испытаний. В те весенние дни царила атмосфера всеобщей эйфории, и будущее представлялось в самом розовом свете...

По окончании войны мне пришлось ещё больше года прослужить в составе Группы советских оккупационных войск в Германии. В августе 1946 г. я демобилизовался и вернулся в Москву, а 1 ноября того же года был зачислен в аспирантуру Тихоокеанского института Академии наук СССР, где возобновил прерванные войной научные занятия по своей специальности — истории стран Латинской Америки.

* * *

Эти отрывочные и подчас невесёлые размышления о далёком прошлом хотел бы всё же закончить на умеренно-мажорной ноте. Когда позади долгая жизнь, в которой наряду с радо-

стями, счастливыми часами, удачами хватало трудностей, опасностей, сомнений, разочарований, особенно ценишь человеческую теплоту, дружеское участие, сопереживание. Вот почему меня очень трогают проявления интереса к событиям Великой Отечественной войны, уважительное отношение и искренняя признательность к её участникам — тем более, если эти знаки внимания исходят от молодых.

Поэтому я всегда охотно принимаю предложения поделиться своими воспоминаниями на собраниях, страницах книг, журналов, газет, в телевизионных и радиопередачах. Но, надеюсь, те, с кем в этой связи довелось в разное время общаться, поймут и не обидятся, если я откровенно признаюсь, что больше всего из выступлений такого жанра мне запомнилось «интервью», незадолго до Нового года (2002) данное моему младшему правнуку Тёме, родившемуся ровно полвека спустя после начала Отечественной войны. 10-летнему школьнику в классе поручили выпустить стенгазету к 60-летию битвы под Москвой, и он, естественно, обратился к наиболее близкому и доступному источнику информации. Отвечая на его немудрёные детские вопросы, я понял, что несмотря на льющийся с телеэкранов нескончаемый мутный поток отвратительной смеси низкопробной попсы, разнузданного секса, зверского мордобоя, бесконечных перестрелок и поножовщины, у нас, оказывается, есть ещё дети, которых привлекает нечто более осмысленное. А какими будут конкретное содержание и круг их интересов зависит прежде всего от взрослых, в том числе и от нас с вами. Хорошо бы не забывать об этом.